

вуют ограничительно, а именно: в специальных областях конкретного знания и деятельности, где они призваны обеспечивать недвусмысленную коммуникацию.

Функциональный стиль – способ, манера использования (Art und Weise, Verwendungsweise) языкового материала системы общего языка, означивание или подсистема специального языка в определенных коммуникативных сферах и ситуациях, предъявляющих свои требования к формированию передаваемой информации. Установившиеся требования, ставшие нормой, лежат в основе стилевых черт, признаков, свойств того или иного функционального стиля.

Качества стилевых черт и стиля в целом регулируют узуальный, окказиональный и индивидуальный выбор языковых средств с целью реализации функционально-коммуникативных требований к информационному продукту – к реальному, конкретному тексту. На основании того, что информационный продукт создается по нормам того или иного стиля из языкового материала и ему свойственны системно-структурные языковые закономерности, функциональный стиль может быть отнесен к языковым явлениям, но с существенной и принципиальной оговоркой: функциональный стиль – явление не языковой системы или подсистемы, а совокупность определенных коммуникативных требований (норм), реализуемых в языковом материале для решения конкретных задач в данной сфере коммуникаций.

Соотношение общеупотребительного языка, специальных языков и функциональных стилей можно представить как неразрывную связь общего и частного способа их использования в речемыслительной деятельности людей в процессе их общения между собой.

Создание частного (специального языка) происходит путем отбора, модификации и инновации общеупотребительного языка, а использование общеупотребительного и частного языка осуществляется путем выбора как узуального, так и окказионального и индивидуального, отдельных элементов и средств как из общего, так из частного языков.

Литература

1. Ахманова О.С., Тер-Мкртчян. Научное определение как лингвистическая и семиотическая проблема. Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
2. Lewandowski Jh, Linguistisches Wörterbuch, Quelle und Meger, Heidelberg, 1979.
3. Kiesel E. Der Stil der deutschen Alltagsrede, Leipzig, 1975.
4. Buhlmann R., Fearus A., Handbuch des Fachsprachen unterrichts. Langenscheidt. Berlin, 1991.
5. Drozd Z, Seibicke W, Deutsche Fach-und Wissenschaftssprache, Wiesbaden, 1973.
6. Троянская Е.С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М., 1982.
7. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // ВЯ, №1, 1955.
8. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание, Свердловск, 1991.
9. Кульгав М.Б. Основные стилевые черты. АКД. М., 1964.
10. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика функциональных стилей, М., 1986.

История изучения каламбура в русском языкознании XIX – XX вв.

Михейкина С.Г.
МГТУ «МАМИ»

Статья посвящена обзору научных концепций феномена каламбура. В статье выявлены истоки многообразия точек зрения, проанализированы 2 научных подхода: объединение понятий «каламбур» и «игра слов» и восприятие их как самостоятельных приемов, сформулированы вопросы для дальнейших научных изысканий. Изучение каламбура представляется важным в свете современной тенденции развития языка СМИ: жаргонизации, сленга, языка рекламы, деструктивной языковой игры, повсеместного пренебрежения литературно-языковыми нормами.

Среди множества разнообразных приемов создания комического эффекта каламбур за-

нимает одно из значимых мест. Более двух тысячелетий над проблемой комического работали философы, филологи, психологи, социологи, искусствоведы. Создано множество концепций комического, а «сокровенная тайна смеха пока так и остается тайной..., она лежит за горизонтом современной науки» (Лук).

Изучение каламбура как фигуры речи привлекает к себе внимание ученых, так как помогает вскрыть противоречие между устоявшейся системой языка и потребностью индивида в максимально адекватном выражении бесконечного разнообразия своих ощущений, чувств и мыслей. Мысль, облаченная в каламбурную форму, становится ярче, острее, чем при обычной номинации, поэтому в современном языке каламбурное словоупотребление применяется как одно из выразительных средств в художественной литературе и в газетно-журнальных жанрах.

Знакомство с научной литературой свидетельствует о том, что каламбур как одно из средств выражения комического трактуется неоднозначно. В отечественной лингвистике нет единого мнения в определении каламбура. Сазонова Л.А. в диссертации «Закономерности передачи каламбура при переводе художественной литературы» подчеркивает, что каламбур часто называют «языковой игрой», «словесной остротой», «двойным смыслом» и т.д. Содержание данных понятий и их соотношение трактуют по-разному. Но чаще всего объединяют или разводят такие понятия, как «каламбур» и «игра слов». Приходько В.К. в диссертации «Каламбур и приемы его создания в произведениях Н.А. Тэффи» поднимает многочисленные вопросы, связанные с изучением каламбура, его функций в художественном произведении, способов его создания, а также отмечает вклад лингвистов в область исследования каламбура. Это работы, в которых каламбур рассматривается как семантический и стилистический феномен (В.В. Виноградов, Д.Н. Шмелев, А.А. Щербина, А.И. Ефимов, А.Н. Гвоздев, В.З. Санников, Б.Ю. Норман, М.И. Привалова, А.А. Терещенкова), как фонетическое и семантико-фонетическое явление, обладающее сенсорными качествами (О.И. Усминский), как результат трансформации и окказионального использования фразеологизмов (В.В. Брякин, В.Н. Вакуров, И.В. Абрамец, А.Н. Зеленев и другие), как разновидность импликации в разговорном диалоге (М.Л. Гордиевская), как воплощение приемов игры в разговорной речи (Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова и другие), как проявление художественного мастерства отдельных авторов (Е.П. Ходакова, Е.Б. Шершевская и другие), как факт «экспрессивного синтаксиса» (Э.И. Береговская, С.И. Лукьянов, Е.В. Максименко и другие).

История каламбура уходит корнями в далекое прошлое. В противовес весьма распространенному мнению о «завезенности» стилистического приема в Россию из Франции в XIII веке, ряд исследователей: В.В. Виноградов, Д.С. Лихачев, А.М. Коржева, Е.П. Панченко, Н.В. Понырков, В.З. Санников, Е.П. Ходакова считают, что прием комического столкновения слов (каламбур) был известен еще в Древней Руси. Он был отмечен в шутках скоморохов, в пословицах, поговорках, прибаутках, то есть в тот период, когда о влиянии французского языка говорить не приходится. «Балагурство – одна из национальных русских форм смеха, в которых значительная доля принадлежит лингвистической его стороне. Балагурство разрушает значение слов и коверкает их внешнюю форму. Балагур вскрывает нелепость в строевании слов, дает неверную этимологию или неуместно подчеркивает этимологическое значение слова, связывает слова, внешне похожие по звучанию...» (Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Понырков). Следовательно, еще в Древней Руси знали и использовали различные виды каламбура, а называть их иностранным словом стали значительно позже. В данном случае можно говорить о заимствовании термина, но не лингвистического явления, которое он обозначает.

В России расцвет каламбура падает на XIX век, особенно, на вторую его половину. Одни лишь анекдоты и каламбуры о носе столь многочисленны, что В.В. Виноградов говорит о «пестром букете носологической литературы первой половины XIX века», где «мелькали перед глазами читателя носы отрезанные, запеченные, неожиданно исчезающие и вновь появляющиеся»; «по разным жанрам блуждают «носологические» мотивы, утопая в каламбурах».

Казалось бы, после бурного расцвета «носология» должна была пережить период упад-

ка. Ничего подобного! Вешают за нос, водят за нос, оставляют с носом не только на протяжении XIX века, но и в XX, и в XXI вв.: «Несносный снос уже на носу» («Вечерняя Москва»), «11 щелчков по носу чемпиона оставили его с носом» («Советский спорт»). Разумеется, история русского каламбура к носологии не сводится, для него характерно тематическое богатство и разнообразие. Признанный король каламбура – Д. Минаев, который, как мы знаем, «даже к финским скалам бурым обращался с каламбуром». Важное место каламбур занимает в творчестве русских писателей XIX века: А. Пушкина, Н. Лескова, В. Буренина, М. Салтыкова-Щедрина, поэтов «Искры», А. Чехова. XX век – «серебряный век русской литературы» – выводит целую плеяду талантливых юмористов, таких как А. Аверченко, Н. Тэффи, О. Оршера, О. Дымова и других. После октябрьского переворота, в «эпоху героических свершений», каламбур оказывается как бы не у дел. Тем не менее, он занимает заметное место у советских и современных писателей: В. Маяковского, В. Шкваркина, И. Ильфа и Е. Петрова, Н. Глазкова, Э. Кроткого, Ф. Кривина, В. Высоцкого, Б. Заходера, А. Кнышева, М. Жванецкого, В. Вишневского.

Теорию и историю смеха, отечественную специфику изучения комического излагают А.В. Дмитриев и А.А. Сычев в книге «Смех: Социо-философский анализ». Интерес к смеху как объекту исследования впервые отмечен в Петровскую эпоху с ее «реформой веселья». Первым теоретиком смеха можно считать Феофана Прокоповича, которого называли «уста-ми Петра». Некоторые разрозненные высказывания, посвященные роли и значению смеха, встречаются и у А.П. Сумарокова, и у Н.В. Карамзина.

В XIX веке появились теории комического В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена, которые продолжали традиции немецкой классической школы, прежде всего Гегеля. Широко известны также теоретические обоснования смеха, предложенные некоторыми практиками комического, прежде всего Гоголем и Салтыковым-Щедриным. Вторая половина XIX века – возникновение психологического направления в русском языкознании. Александр Афанасьевич Потебня был языковедом-мыслителем, во многом предвосхитившим развитие мирового языкознания. По сути, именно исследования отечественных теоретиков комического и труды А.А. Потебни явились предпосылками изучения каламбура в XX веке.

Известно, что в XX веке в различных областях науки и искусства многие ценные идеи и начинания российских ученых заглохли в душной атмосфере советского тоталитаризма, но получили признание и развитие на Западе и через десятилетия снова вернулись в Россию. Это в значительной степени относится к методу лингвистического эксперимента, громадную роль которого настойчиво подчеркивали в 20-х годах А.М. Пешковский и особенно Л.В. Щерба. «Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т.п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило (...). В возможности применения эксперимента и кроется громадное преимущество – с теоретической точки зрения – изучения живых языков» (Щерба). Языковую игру как лингвистический эксперимент рассматривает В.З. Санников в монографии «Русский язык в зеркале языковой игры» (1999), подчеркивая, что возможности этого метода до сих пор используются недостаточно.

Термин «языковая игра» стал одним из самых популярных терминов в современном языкознании конца XX – начала XXI вв. Принято считать, что термин «языковая игра» впервые употребил Л. Витгенштейн в работе «Философские исследования». Историографию вопроса от Платона до наших дней дает С.В. Ильясова в книге «Словообразовательная игра», считая, что отечественная наука не имеет давних традиций в исследовании феномена языковой игры. Автор монографии «Русский язык в зеркале языковой игры» В.З. Санников напротив считает, что «в русистике языковая игра исследуется давно и успешно – в работах В.В. Виноградова, В.Н. Гвоздева, А.И. Ефимова, Е.А. Земской, Е.П. Ходаковой, А.А. Щербины и др.».

С.В. Ильясова подчеркивает, что в настоящее время существует, по крайней мере, два подхода к пониманию языковой игры (ЯИ). Другие исследователи считают, что можно гово-

речь о трех подходах: «1) ЯИ как преднамеренное (утрированное) использование средств языковой системы; 2) ЯИ как осознанное нарушение языковой нормы (Щерба, Горелов, Седов и др.); 3) ЯИ как включение в речь так называемых прецедентных текстов, то есть использование текстовых реминисценций (аллюзий) (Караулов, Супрун, Земская, Гридина и др.)» (Лисоченко). Наличие столь разных подходов к языковой игре явилось причиной отсутствия единого общепринятого определения языковой игры и безрезультативности поиска «основополагающего принципа языковой игры, обладающего объяснительной силой» (Гридина). Своеобразным выходом из сложившейся ситуации можно считать наметившуюся тенденцию – исследование одного из видов языковой игры. Учитывая рамки нашей статьи, мы перейдем к обзору работ, посвященных каламбуру.

Л.А. Сазонова проанализировала существующие в современной науке подходы в изучении стилистических приемов «каламбур» и «игра слов». Подход первый: объединение понятий «каламбур» и «игра слов» (основание – одинаковая структура).

Первая попытка создать обобщенную схему приема принадлежит В.С. Виноградову. Ученый рассматривал оба стилистических приема как «двучленное образование, первый компонент которого является своеобразным лексическим основанием каламбура (игры слов), опорным элементом, стимулятором начинающейся игры слов. Второй член конструкции – слово или словосочетание – «перевертыш», результирующий компонент или результата, представляющая собой как бы вершину каламбура (игры слов). Лишь после реализации в речи второго компонента и мысленного соотнесения его со словом эталоном возникает комический эффект каламбура (игры слов)».

Подтверждение синонимичности понятий мы находим в толковых словарях русского языка В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, в Литературном энциклопедическом словаре, в Словаре современного русского литературного языка и других. Большинство исследователей: А.Л. Щербина, В.В. Виноградов, В.С. Виноградов, В.Я. Пропп, Е.А. Земская, В.Н. Вакуров, А.Л. Слонимский, В.З. Санников, Л.И. Шоцкая, Э.Г. Колесникова, А.Ю. Шашурина и другие не видят различия между рассматриваемыми стилистическими приемами. Более того, определение одного понятия часто оформляется через другое или им даются сходные определения, например, в Словаре русского языка 1981 года мы находим:

«Игра слов – остроумная шутка, основанная на использовании одного слова вместо другого или на подмене одного значения другим значением того же слова; каламбур.

Каламбур – остроумная шутка, основанная на использовании слов, сходных по звучанию, но различных по значению или на использовании разных значений одного и того же слова; игра слов». Само выражение «игра слов» стало идиомой, что подтверждается «Фразеологическим словарем русского языка» под ред. А.И. Молоткова (1994, с. 176), который относит словосочетание «игра слов» к фразеологическим единицам и дает следующее ее толкование: «остроумное каламбурное выражение». Другими словами, толковые и литературные словари рассматривают обозначенные стилистические приемы как синонимичные, не вскрывают сути изучаемых явлений и образуют своего рода «замкнутый круг»: каламбур – это игра слов, а игра слов – это каламбурное выражение, или каламбур.

В.З. Санников выделяет 2 вида возможных отношений между частями стилистического приема:

1. «Обманутое ожидание». Явление, кажущееся естественным, потом демаскируется как абсурд или ошибка и тем самым дискредитируется. Например, «Он любил и страдал. Он любил деньги и страдал от их недостатка». (И. Ильф, Е. Петров, 1987, с.287).
2. «Комический шок». Здесь отношения между частями – прямо противоположны описанному выше. Явление, сначала внешне удивительное, оказывается естественным и понятным. В комических построениях подобного типа процесс восприятия проходит три фазы:
 - а) растерянность, дезориентированность в связи с новизной, необычностью комического объекта («фаза шока»);

- б) «фаза озарения»;
 - в) «фаза комической радости», вызванная освобождением от нервного напряжения.
- Например:

«Спирт помогает ориентированию на местности только в одном случае – когда в нем плавает картушка компаса» (М. Веллер).

Сазоновой Л.А. была предпринята попытка разграничить понятия «каламбур» и «игра слов» через этимологию. Однако этимологические версии, по мнению исследователя, дают примерное понятие о том, что собой может представлять стилистический прием и какова его стилистическая функция, но не позволяют определить, из чего состоит каламбур и в чем его отличие от игры слов.

Второй подход к вопросу определения критериев изучаемых стилистических приемов противоположен первому. Исследователи признают, что «каламбур» и «игра слов» тождественными не являются. Однако, единства мнений по поводу того, в чем состоит различие рассматриваемых стилистических приемов другими словами, у рассматриваемых, нет: сфера употребления (Л.П. Московский); родовидовые отношения (С. Влахов, С. Флорин, А.С. Джанумов и др.), критерий лингвистической основы (В. Даль).

По мнению Л.А. Сазоновой, при наличии очень многих сходных свойств эти явления полностью самостоятельны и не являются одно частью другого. Суть их различия не в семантической основе, а в плане восприятия и синтаксической форме выражения. Обе данные речевые фигуры являются разновидностями языковой игры.

Неоднозначность понимания каламбура позволяет сформулировать вопросы для дальнейших изысканий. Целесообразно дать теоретическое обоснование и проследить дихотомическую систему психологии и логики в категории экспрессивности, языковой игры, каламбура. Комплексное рассмотрение речепорождающей природы каламбура, «процесса создания» каламбура и «процесса восприятия» его реципиентом, механизма разрешения неоднозначности в шутке – вопросы, которые позволят углубить лингвистическое понимание термина, а также ответить на многие другие вопросы в результате интеграции достижений наук в области лингвистики, психолингвистики, психологии, психофизиологии и логики.

Изучение каламбура сегодня представляется важным и значительным. Современная тенденция в развитии языка – это жаргонизация, молодежный и компьютерный сленг, язык «сетевых» людей, изобилие заимствованной лексики, язык рекламы, а главное – повсеместное пренебрежение литературно-языковыми нормами. Деструктивная языковая игра в СМИ беспокоит уже не только специалистов-филологов. Изучение феномена каламбура, определение его роли, описание технологии построения позволит противопоставить массовому производству заголовков сниженной окраски эффективный прием, обладающий огромным потенциалом эмоционально-экспрессивного воздействия.

Литература

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971.
2. Виноградов В.С. Формально обусловленный перевод каламбуров-созвучий// Тетради переводчика. – М.: Международные отношения, 1972.
3. Гридина Т.А. Языковая игра и творчество. – Екатеринбург, 1996.
4. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех: Социофилософский анализ. – М.: Альфа-М, 2005.
5. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. – М.: Наука. 1981.
6. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русская разговорная речь. Фонетика, Морфология, Лексика, Жест. – М.: Наука, 1983.
7. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. – Ростов н./Д, 2002.
8. Приходько В.К. Каламбур о приемы его создания в произведениях Н.А.Тэффи. Дисс. – М., 1998.
9. Сазонова Л.А. Закономерности передачи каламбура при переводе художественной литературы. Дисс. – М., 2003.

10. Санников В.З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания, №3, 1995.
11. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999.
12. Санников В.З. Русская языковая шутка: От Пушкина до наших дней. – М.: Аграф, 2003.

**Основные условия, обеспечивающие конкурентоспособность
международного автомобильного альянса Renault-Nissan**

Мещерякова Е.В.
МГТУ «МАМИ»

В статье анализируются условия, обеспечивающие конкурентоспособность международного автомобильного альянса Renault-Nissan.

Международный автомобильный альянс Renault-Nissan образует в настоящее время четвертую автомобильную группу в мире. При этом потенциал альянса столь высокий, что его руководители поставили перед собой цель войти в тройку первых автомобильных групп мира по качеству, технологии и операционной прибыли. Достижение данной цели, в первую очередь, обуславливается тем, что альянс представляет собой партнерство, которое развивается на основе всестороннего сотрудничества во имя увеличения производительности обоих предприятий и сохранения при этом культуры организации и производства каждого из них.

В результате создания альянса появилась возможность повысить производительность обеих фирм, благодаря тому, что использовались общие платформы, составляющих их конструкций, благодаря обмену не только достижениями ноу-хау, но и обмена полезными практическими навыками, а также выгодного применения взаимодополняемости основных платформ. При этом Nissan вышел из кризиса не только благодаря созданию альянса и значительному вкладу Renault, но и благодаря преданности и решимости работников Nissan, их пунктуальности, скорости и тщательности при исполнении своих обязанностей.

Для выхода Nissan из кризиса был также разработан план «Nissan Vaive – Up», рассчитанный на период с 2005 по 2007 гг., который содержал следующие позиции: достичь мировых продаж в объеме 4,2 млн. единиц к моменту завершения плана, удержать рентабельность на высшем уровне среди конструкторов общего профиля и сохранить средний процент отдачи от инвестиций на уровне не ниже 20 %.

Для Renault создание альянса с Nissan является примером смелого проекта, который удался.

Альянс Renault-Nissan был создан в 1999 году и ознаменовал собой первое промышленно-коммерческое сближение подобного рода между французской и японской компаниями, каждая из которых привнесла в новый союз свою корпоративную культуру, а также имя и репутацию своей торговой марки. При этом участие Nissan в капитале Renault доведено до 15 %, а участие Renault в капитале Nissan составляет 44,4 %. В устав альянса заложены основы совместного успешного развития и доверительного сотрудничества. Ориентируясь на уважительный подход к индивидуальности каждой марки, и приводя в равновесие взаимодействие обоих партнеров, устав также закрепляет правила, относящиеся к непосредственному функционированию предприятий, и принципы конфиденциальности. Обе компании следуют единой стратегии рентабельного развития и связаны общими интересами. Для выработки общей стратегической линии и для обеспечения согласованности совместных усилий альянс в 2002 году создал стратегический менеджмент Renault Nissan bv, в котором Renault и Nissan принадлежит равное количество долей. Совет директоров осуществляет управление краткосрочными и долгосрочными стратегическими планами альянса и координирует совместную деятельность на мировом уровне. Проекты Renault и Nissan реализуются под эгидой Исполнительных комитетов каждой компании, которые в свою очередь подотчетны административным Советам и несут индивидуальную ответственность за повседневное управление.

Иллюстрацией всестороннего сотрудничества компаний Альянса служит, в частности,